

ВСЕ ТОТ ЖЕ МОГУЧИЙ...

Сезон с. - по 1994. - 22 сент.

СЦЕНА

Спектакли, поставленные Андреем Могучим, режиссером «Формального театра», всегда немножко премьеры, он умеет преобразовывать в игровую среду любое пространство — будь то Петропавловская крепость, Манеж или Мухомовское училище. Недавно полем экспериментов Могучего стала Малая сцена «Балтийского Дома», где «Формальный театр» показал «Льскую певицу» и «Две сестры».

Обе постановки давно входят в репертуар театра и немало способствовали его популярности. Тем не менее интересно было их наблюдать в новом пространстве.

...Зрители, пришедшие на «Льскую певицу», находились на сцене, которая в данный момент вовсе не была сценой. Ее пересекал длинный стол, по обе стороны стола стояли три ряда стульев. Но так как сцена не была сценой в обычном смысле, то и зал не очень-то был залом, вместо него темное, пустое пространство, откуда появлялись странные персонажи. Нормальная, «рабочая» модель перевернутого мира, вполне в духе Ионеско. Уместно напомнить шекспировский эпиграф к пьесе: «Жизнь — это история, рассказанная идиотом. В ней много шума и ярости, нет только смысла». Эпиграф реализовывался в спектакле последовательно и целенаправленно, с самого начала.

...Долго звучала психоделическая музыка Клауса Шульце, она будоражила и вызывала ощущение непонятной тревоги. Повсюду висели и стояли раздолбанные часы разного калибра. Некто со свечой покойно лежал в гробу. Впрочем, это мало что ждало: если бы режиссер ограничился подобными «сюрреалистическими» игрушками, то и говорить было бы не о чем.

Сюжет пьесы пересказывать, пожалуй, бессмысленно. Но следует обратить внимание на жанр постановки, обозначенный как «сюрформанс». Если учесть, что г-жу Смит играл Е. Ермолин, а г-жу Мартен О. Жуковский, то получалась во всех отношениях недурственная провокация той части зрителей, которая имеет привычку заглядывать в программу. Однако и тем, кто в нее не заглядывал, отнюдь не легче было разобраться в сложных метафорах «инь» и «янь».

В постановке Могучего классика абсурда обрела почти осязаемую достоверность. Как в кино — только в кино действие происходит на экране, а здесь персонажи находились совсем рядом, при желании даже можно было потрогать их руками. Ост-

рая бредовость происходящего под-сказывала, что Могучий увидел пьесу сквозь изощренную призму Бу-нюэля, скромное обаяние Бранд-Майора (А. Смирнов) напоминало именно об этом. Еще казалось, что зрители тоже пришли в гости к че-те Смит.

Одним из основных «формальных» приемов, использованных в спектак-ле, стало наложение живой речи актеров на фонограмму с идентич-ным текстом. Сильнодействующее средство. Вообще здесь можно об-наружить немало коллекционных экстравагантностей: фантомная слу-жанка Мэри (В. Ротанова), на ро-ликах и с корзинкой на голове, тот же восстающий из гроба Бранд-Май-ор, напоминающий своим перебинто-ванным лицом о золотых деньках канувшего ныне в Лету некрореализ-ма, одинокая чета Смитов и не уступающая ей в одиночности чета Мартенов: как самозабвенно они спешат чувствовать и жить, как много и сочно кричат, спорят, гово-рят! Верно, когда-нибудь станут носорогами!

Режиссерские приемы Андрея Мо-гучего самоценны сами по себе. Как и тексты Ионеско, они не подлежат логиче-ской дешифровке, их смысл в них самих. Могучий отказывается от ма-лейшего правдоподобия и разруша-ет любые мотивировки. Итогом на-сыщенного, агрессивного антидей-ствия становится мрачноватая прит-ча о жизни по привычке, о нелепых ритуалах бытия. В финале вновь зву-чит музыка Шульце, актеры разби-рают декорации, сваливают доски в кучу и заколачивают выходы из зала. История закончилась. Жизнь про-шла. С шумом и яростью, с разгово-рами о продуктах, с рассказами мерт- знает о чем-то. Будто бы ничего и не было.

Другой спектакль, «Две сестры», созданный театром по мотивам про-изведений Тургенева, Беккета, Чехо-ва, Бергмана и других авторов, про-шел на Малой сцене менее удач-но. Возможно, режиссер не успел ос-воить новое пространство. Вало и чересчур прохладно работали актри-сы (в спектакле заняты С. Смирно-ва, В. Ротанова, Н. Жуковская), дей-ствие развивалось неинтересно. Слишком много было дыма, зрелище походило на черной прогон. Бы-вает. Неплохой повод для режис-серского самоопознания. Однако я уверен, что интерес к «Формаль-ному театру» ничуть не уменьшится. В конце октября театр покажет свой новый спектакль «Орландо» (Фри-эн). Произойдет это в том же самом «Балтийском Доме», во дворце «Фестиваля свободных искусств».

Анатолий ГУНИЦКИЙ